но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».[1]

Таким образом, Сумароков все свои возражения Вольному экономическому обществу делает, исходя из положения, что владеть землями в России есть исключительное право дворян. В другой своей записке, относящейся к тому же времени, к 1766 г., Сумароков делал аналогичные замечания на «Наказ» Екатерины II. Он отмечает, что есть различие между понятиями «раб» (т. е., привязанный к господину) и «крепостной» (т. е., привязанный к земле),[2] подчеркивает, что в России крестьяне крепостные, а не рабы.

Исходя из интересов дворян, Сумароков утверждает, что «сделать русских крепостных людей вольными нельзя». «Продавать людей, как скотину, — говорит он — не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут вольны?»[3] Ему представляется совершенно недопустимой возможность подобного распорядка, так как опыт показывает, насколько неудобны слуги, происходящие из не знавшей в то время крепостного права Украины: «Малороссийской подлой народ, — заключает Сумароков, — от сей воли почти несносен» (там же).

Итак, официальные записки Сумарокова гораздо определеннее и последовательнее характеризуют его взгляды на право помещика владеть землей и прикрепленными к ней крестьянами; он восстает не против продажи крестьян вообще, а против продажи их без земли («как скотину»); против превращения «кре-

---

[1] Холмев, А. П. История имп. вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, СПб., 1865, стр. 24—25.

[2] В особом мнении о екатерининском Наказе Сумароков в разделе V писал по поводу XI главы Наказа, между прочим, следующее: «Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику» (Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 84). В цитируемом источнике явная опечатка, так как эти слова набраны курсивом, которым воспроизводились при публикации этого текста пометки Екатерины. Несомненно Екатерине принадлежит последняя строка текста: «Как то сказать можно, отверзите очи». Дело в том, что в Наказе (изд. 1767, русский текст параллельно с немецким, особенно стр. 81—84) «крепостной» Екатерина понимает безразлично как Sclave (раб, невольник) и Leibeigener (крепостной).

[3] Сб. Русск. ист. общ., т. X, стр. 85—86. Ср. Русский архив, 1870, № 2, стр. 288—291, приписываемые Сумарокову возражения относительно освобождения крепостных. Указание Л. Н. Майкова (там же), что на этом мнении имеется надпись: голос Сумарокова, надо понимать в том смысле, что в этой записке слышен «голос Сумарокова».